

КАК В СССР ПРИНИМАЛИ ВЫСОКИХ ГОСТЕЙ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ
ВСТРЕЧИ, ПЕРЕГОВОРЫ, ПОДАРКИ, МЕНЮ,
РАЗВЛЕЧЕНИЯ, ПОЕЗДКИ ПО СТРАНЕ

ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВ И ПРАВИТЕЛЬСТВ,
ПАРТИЙНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ,
ЗАРУБЕЖНЫЕ ДИПЛОМАТЫ

В ГОСТЯХ У СТАЛИНА,
ХРУЩЕВА, БРЕЖНЕВА

Оксана Захарова

**Как в СССР принимали
высоких гостей**

«Центрполиграф»

2018

УДК 327.82
ББК 63.3(2)6-6

Захарова О. Ю.

Как в СССР принимали высоких гостей / О. Ю. Захарова —
«Центрполиграф», 2018

ISBN 978-5-227-08301-2

Дипломатия в целом и дипломатические визиты в частности — важнейший инструмент формирования внешней политики, построения международных отношений. От качества приема и соблюдения или несоблюдения протокола зависит многое: удастся ли завоевать расположение желаемых союзников, настроить их на выгодные для страны условия и даже покрасоваться перед противниками. Россия издревле славится своей щедростью и имеет богатую традицию дипломатических встреч и приемов зарубежных гостей на самом высоком уровне. Это наследие, пройдя сквозь века, не могло не отразиться и на обычаях советских времен. Тем не менее недостаточная изученность советского дипломатического протокола до сих пор могла искажать знания о не так давно минувшей эпохе. И здесь работа О.Ю. Захаровой приоткрывает занавес: обнаруживает архивные документы и фотографии, долгое время бывшие недоступными широкой публике. Последовательно и увлекательно автор прослеживает эволюцию советского дипломатического протокола с начала 20-х до середины 80-х гг. В книге перелистываются страницы дневников, писем и воспоминаний глав государств и правительств, партийных и общественных деятелей, советских и зарубежных дипломатов. Снова раздаются известные имена людей, посетивших Советскую Россию и СССР с официальным визитом: Амануллы-хана, И. фон Риббентропа, У. Черчилля, Ш. де Голля, И.Б. Тито, Мао Цзэдуна, И. Ганди, Г.А. Насера, Р. Никсона, Ф. Кастро Рус и многих других. Перечни подарков членам делегаций и ответных даров сменяются меню официальных приемов в Кремле и в особняке МИД СССР. Программы пребывания в Москве, столицах и городах союзных республик, схемы встреч и проводов... Оживает история, возвращается, пусть и на короткие мгновения, атмосфера эпохи. Дипломатический протокол меняется, но всегда остается частью государственной церемониальной культуры, поддерживая имидж и престиж власти.

УДК 327.82
ББК 63.3(2)6-6

ISBN 978-5-227-08301-2

© Захарова О. Ю., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Введение	7
Дореволюционная история зарубежных визитов	10
Глава 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Оксана Захарова

**Как в СССР принимали высоких гостей.
Официальные и неофициальные встречи,
переговоры, подарки, меню, развлечения,
поездки по стране. Главы государств и
правительств, партийные и общественные
деятели, зарубежные дипломаты в
гостях у Сталина, Хрущева, Брежнева**

*Посвящается светлой памяти моей мамы Захаровой Марии
Васильевны*

Введение

Дипломатия как одна из сфер прикладной политики является весьма сложным и ответственным видом человеческой деятельности. Если говорить о дипломатии как искусстве, дипломат – это не только «образованная и умственно развитая» личность, обладающая непрекаемым авторитетом, сильной волей, выдержкой и чувством ответственности, дипломат – это творец системы международных отношений, построенных на сотрудничестве и доверии.

В дипломатических отношениях суверенных государств важное место занимают зарубежные контакты государственных деятелей.

В «Основных положениях государственной протокольной практики Российской Федерации», утвержденных Указом Президента РФ от 16 сентября 2004 года, в частности, говорится, что «визиты в Российскую Федерацию иностранных представителей на высшем и высоком уровне отражают характер дипломатических отношений Российской Федерации с соответствующим государством и представляют собой одну из важных форм внешнеполитической деятельности России» [1].

Визит – это совокупность прежде всего протокольных мероприятий, характер которых зависит от вида визита, который, в свою очередь, определяется политической целесообразностью.

В настоящее время в РФ приняты следующие виды визитов:

- государственный визит;
- официальный визит;
- рабочий визит;
- неофициальный (частный) визит;
- визит проездом.

Визиты на высшем (если в страну прибывает глава государства или правительства) и высоком (делегацию возглавляет министр иностранных дел, специальный представитель глав государств и правительств, руководитель международной организации) уровне позволяют эффективно решать международные проблемы, способствуют установлению более тесных контактов между руководителями государств, с помощью СМИ придают дипломатической деятельности открытый характер.

Актуальность темы определяется как недостаточной изученностью советского дипломатического протокола, так и тем, что знание закономерностей функционирования последнего расширяет наши представления о внешней политике и международных отношениях Советской России и СССР в указанный период.

Актуальность обусловлена также научной значимостью проблемы, необходимостью исследования такого важного и малоизученного элемента в истории отечественной дипломатии, как визиты на высшем и высоком уровне.

С учетом отсутствия в отечественной историографии специального исследования, посвященного проблеме, автор поставил цель – на основе анализа и обобщения новых фактов с привлечением впервые вводимых в научный оборот архивных документов и других источников провести всестороннее комплексное исследование политических и протокольных аспектов визитов в Советскую Россию и СССР глав зарубежных государств, правительств, иностранных ведомств, политических, военных и общественных деятелей, проследить эволюцию советского дипломатического протокола как инструмента построения международных отношений с начала 20-х до середины 80-х годов XX столетия.

В соответствии с целевой установкой возникает необходимость решения следующих задач:

- проанализировать содержание понятия «визиты на высшем и высоком уровне»;
- показать влияние советских государственных и партийных лидеров на содержание и порядок проведения зарубежных визитов;
- выяснить место и роль сотрудников Протокольного отдела НКВД (МИД) СССР в подготовке и проведении визитов;
- исследовать функциональную роль визитов на высшем и высоком уровне в системе международных отношений.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 20-х до середины 80-х годов XX столетия. Нижняя хронологическая грань обусловлена тем, что в начале 20-х годов происходит процесс расширения международных контактов Советской России и СССР, а также тем, что именно этим периодом датируются первые документы Протокольной части НКВД, содержащие информацию о визитах зарубежных делегаций в Советскую Россию, обнаруженные в Архиве внешней политики Российской Федерации (фонд 057).

Конечная хронологическая грань – середина 80-х годов – завершение определенного периода в истории советской дипломатии, в котором произошла рационализация протокольных норм, разработанных и апробированных на практике в предыдущие десятилетия.

Историография. В России и за рубежом нам не известно ни одно опубликованное исследование, целиком посвященное изучению протокольных и политических аспектов визитов в Советскую Россию и СССР глав зарубежных государств, правительств, политических, военных и общественных деятелей, каждый из которых – важное событие в истории международных отношений.

История протокольной практики визитов на высшем уровне рассмотрена в отдельных главах монографий П.Ф. Лядова, А.Ф. Борункова¹.

В представленной работе на основании документов фонда Протокольного отдела (057 и 57) Архива внешней политики РФ МИД России (многие из которых впервые вводятся в научный оборот), а также фонда 06 (секретариат В.М. Молотова), часть материалов которого размещена в Интернете (<http://agk.mid.ru>), проведено исследование политических и протокольных аспектов визитов в Советскую Россию и СССР (начала 20-х – середины 80-х годов XX столетия): Амануллы-хана, И. фон Риббентропа, У. Черчилля, Ш. де Голля, И.Б. Тито, Мао Цзэдуна, И. Ганди, Г.А. Насера, Р. Никсона, Ф. Кастро Рус и других государственных деятелей в указанный период. Каждый из представленных визитов, будучи важным событием мировой политики, оказал заметное влияние на развитие советского дипломатического протокола.

---

¹ Лядов П.Ф. История российского протокола. М., 2004. С. 64–89; Борунков А.Ф. Дипломатический протокол в России. М., 2005. С. 150–163.

В работе содержатся: схемы встреч и проводов; программы пребывания в Москве, столицах и городах союзных республик; перечни подарков членам делегаций и ответных даров советским руководителям; меню официальных приемов в Кремле и в особняке МИД СССР, а также выдержки из дневников, писем и воспоминаний глав государств и правительств, партийных и общественных деятелей, советских и зарубежных дипломатов.

Наряду с письменными источниками большую ценность представляют фотодокументы Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД), которые не только дополнили письменные источники, но и помогли детально изучить и лучше понять саму атмосферу церемониальной составляющей визита.

На протяжении столетий дипломатический протокол претерпел значительные изменения, неизменным оставалось одно – посольские церемониалы обязаны поддерживать иллюзию могущества государства. Так называемые встречи «без галстуков» 90-х годов XX века (то есть встречи глав государств без соблюдения правил дипломатического протокола) не прибавили уважения к политике Российского государства.

В отношении роли протокола в международном общении в целом и во время визитов глав зарубежных государств в частности трудно не согласиться с В.М. Суходревым в том, что: «Соблюдение протокола имеет огромное значение в дипломатии, в том числе и для установления правильных политических взаимоотношений на государственном уровне, когда речь идет о визитах высоких государственных деятелей и личных отношениях между ними <...>. Конечно, главу государства, который сделает что-то не так, не предадут осмеянию, но свою репутацию в глазах хозяев он может испортить навсегда» [2].

Дипломатический протокол, будучи частью государственной церемониальной культуры, является иллюстрацией духовного, нравственного и политического состояния общества – это политика, престиж, имидж власти.

Дореволюционная история зарубежных визитов

Принято считать, что в истории России практика визитов высших государственных деятелей началась с Великого посольства Петра I в страны Западной Европы (1697–1698), но еще в середине 50-х годов IX столетия в Константинополь отправилась княгиня Ольга, при которой, как пишет Н.М. Карамзин, «Россия стала известною и в самых отдаленных странах Европы» [в-С распадом Киевского государства на княжество, что начался после смерти Ярослава Мудрого и завершился в XII столетии, не прекращаются отношения Руси с Византией и Западной Европой. «Слава великая» русских князей по летописи доходила «ко странам Дальним: к грекам, и к венграм, и к ляхам [полякам], и к чехам и даже до Рима» [2]. В то время Киевская Русь была государством, не знавшим жестких границ, которые появились (со всеми атрибутами: заставами, столбами, рогатинами и т. д.) лишь в Московском государстве; русские князья постоянно выезжали за пределы Отечества, воспитывали детей у родственников в других странах и сами принимали на воспитание иностранных принцев и принцесс.

Владимирские и московские князья жили и воспитывались уже в других условиях, чем киевские, с ними соседствовали русские государства, а ближайшие за границей была Орда.

После свержения монгольского ига первый визит главы российского монарха в Европу состоялся в 1697 году. Главная цель поездки – знакомство с Голландией и Англией, в которых было особенно развита военно-морская промышленная техника.

Но если в 1697 году Петр I отправился в Европу в составе торжественного посольства под именем Петра Михайлова, то в 1717 году в Париж прибыл «<...> Великий Государь, царь и Великий князь Петр Алексеевич, всея Великия, Малыя и Белья России самодержец <...>», чтобы ускорить окончание Северной войны и подготовить брак 8-летней Елизаветы Петровны с 7-летним Людовиком XV.

Таким образом, 1717 год по праву можно считать началом официальных поездок лидеров Российского государства за рубеж.

Спустя 64 года после вояжа Петра I, 19 сентября 1781 года, великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна под именем графов Северных отправилась в заграничное путешествие. 14 месяцев будущий император Российской империи вместе с супругой путешествовали по Европе. В поездке их сопровождала блистательная свита: граф Н.И. Салтыков, С.И. Плещеев, Х.И. Бенкендорф, князь А.Б. Куракин, князь Н.Б. Юсупов, Ф.М. Клингер, Ф.Г. Лаферрьер, Л.Г. Николаи, протоиерей А.А. Самборский, К.Ф. фон Крузе, фрейлины Марии Федоровны – Наталья Борщева и Екатерина Нелидова.

Наследник короны Российской империи посетил Польшу, Священную Римскую империю, Венецианскую республику, Папскую область, Неаполитанское королевство, Пармское, Тосканское и Миланское герцогства, Королевство Сардинию, Францию, Австрийские Нидерланды, Монбельяр, Швейцарию. Во время поездки Павел Петрович лично познакомился не только с правителями всех вышеперечисленных государств, но и с выдающимися представителями эпохи Просвещения. Единственный из русских монархов удостоился аудиенции у папы римского. Ни один из русских императоров не повторил этого путешествия.

Через военные кампании начала XIX века завершилась подписанием 30 мая 1814 года Парижского трактата, возвратившего страну к границам 1792 года.

Союзники решили в ближайшее время собраться в Вене и постараться там решить все проблемы, а до этого монархии Европы отправились в Лондон, где праздники доходили до последней степени великолепия и пышности. В столицу Англии приехали император Александр, король Пруссии, канцлер Гарденберг, фельдмаршал Блюхер.

Встреча в Лондоне была своеобразной пробой сил, главное дипломатическое сражение Европы начнется в сентябре 1814 года в Вене, куда русский император торжественно выехал 13 сентября с прусским королем.

15 сентября в Вену прибыла императрица Елизавета Алексеевна, там же находились сестры императора – великие княгини Мария и Екатерина Павловны.

Австрийский министр иностранных дел Меттерних пропагандировал на конгрессе пышность, которая, по его мнению, свидетельствовала о финансовой стабильности в Австрии. Кроме того, развлечение иностранных гостей – один из способов держать их под контролем. На фоне пленительных танцевальных мелодий, когда, казалось бы, вся Европа закружилась в вихре вальса и опьянела от наслаждений мирной жизни, случилось то, что никто не ожидал, – Наполеон вернулся во Францию.

27 марта Вильгельмина Саган, одна из «королев» конгресса, давала бал в честь Веллингтона, который на следующий день отбывал в Нидерланды – к армии. Александр I подошел к герцогу и произнес знаменитую фразу: «Итак, вам вновь предстоит спасти мир».

В 1815 году начнется новый период европейской истории.

Как известно, отношение между Российской и Британской империями в XIX веке были сложными и весьма противоречивыми, при этом дипломатический Петербург искал пути к их улучшению.

В 1839 году в связи с 20-летием королевы Виктории Лондон посетил цесаревич Александр, который очень понравился королеве. На балу она отдала первый и последний танец великому князю. Жене премьер-министра Виктория призналась, что цесаревич ей «чрезвычайно понравился», что «они стали друзьями» и что «дела идут хорошо» [3].

Можно сказать, что сын проложил отцу – императору Николаю I дорогу в Лондон. Русский монарх прибыл в Англию в конце мая 1847 года.

В Лондоне Николай Павлович интересовался музеями, техническими достижениями страны, посетил строительство нового здания парламента, архитектор которого Чарльз Берри подарил ему чертежи. Берри избрали членом Академии художеств России, а Англию включили в список стран, в которых стажировались лучшие ученики Академии, в том числе Николай Бенуа [4].

В 1894 году в Виндзорском дворце внук Николая I цесаревич Николай Александрович встретил внучку королевы Виктории принцессу Великого герцогства Гессенского Алису-Викторию-Елену-Ляуру-Беатрису. Принцесса Алиса до замужества была в России всего один раз, она гостила несколько недель у своей сестры, супруги великого князя Сергея Александровича, великой княгини Елизаветы Федоровны. Сознательная жизнь будущей императрицы Российской империи началась в Винзоре, там же началась ее любовь. Не случайно Англия играла такую большую роль в жизни императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

За четыре года до описываемых событий в 1890 году наследник-цесаревич Николай Александрович закончил свое образование «окончательно и навсегда», как он выразился в дневнике. В программу обучения будущего императора входили многочисленные путешествия по России, которые Николай Александрович совершал вместе с отцом. В качестве завершения своего образования Николай II совершил кругосветное путешествие. За девять месяцев он проехал Австрию, Триест, Грецию, Египет, Индию, Китай, Японию, а далее «сухим путем» через всю Сибирь. В Японии в Оцу на наследника было совершено покушение, которое на время прервало путешествие.

Встречи с иностранными монархами являлись важной составляющей внешнеполитической деятельности Николая Александровича.

Больше всего встреч у императора Николая II было с Вильгельмом II: в Ревеле в августе 1902 года; в Биорке в июле 1905 года; в Балтийском порту Либавы в июле 1911 года.

10 июля 1905 года свидание российского и германского императоров состоялось на яхте «Полярная звезда» у острова Ра-вица.

На следующий день Николай II пишет в своем дневнике: «Проспал подъем флага и встал в 9 <...>. В 10 ч. прибыл Вильгельм к кофе. Поговорили до 12 ч. И втроем с Мишей отправились на германский крейсер «Берлин». Осмотрели его, показали артиллерийское учение. Завез Вильгельма к нему и вернулся на «Полярный» <...>. В 2 часа у нас был большой завтрак. Слушали музыку Гвардейского экипажа и разговаривали все время стоя до

4. Простился с Вильгельмом с большой сердечностью <...>» [5].

В мае 1913 года император Николай Александрович был на свадьбе дочери Вильгельма принцессы Виктории-Луизы с герцогом Эрнестом-Августом Брауншвейгским. На свадьбу не был приглашен Франц-Иосиф, так как Николаю II неприятно было бы с ним встретиться. По отзывам современников, император Вильгельм II принял императора Николая II «с особой почтительной торжественностью <...>» [6].

Весной 1914 года императорская семья, как и в предыдущие годы, уехала в Крым. В конце мая при дворе стали говорить о предстоящем обручении великой княжны Ольги Николаевны с принцем Карлом Румынским. Окончательное решение должно было быть принято во время поездки императорской семьи в Румынию.

14 июня императорская яхта «Штандарт» подошла к Констанце, большому румынскому порту на Черном море. Все суда на рейде были расцвечены флагами, на набережной у пристани рота пехоты со знаменем и музыкой отдавала воинские почести под звуки артиллерийского салюта.

Их величества были встречены королем Карлом, королевой Елизаветой принцами и принцессами королевского дома. После представлений все отбыли в собор на молебен. В час дня, пока председатель Совета министров угощал лиц свиты, обе царственных семьи собрались за завтраком.

В середине дня состоялся ответный прием (чай) на «Штандарте», а затем большой военный парад.

Вечером, на парадном обеде, император сидел в центре длинного стола, за которым присутствовало 84 приглашенных. Справа от него находилась королева Елизавета, слева – принцесса Мария (будущая королева Румынии). Императрица сидела напротив, между королем Карлом и принцем Фердинандом (будущим королем Румынии).

В конце обеда король встал, чтобы поприветствовать Николая II. После ответного слова российского императора обед продолжался недолго, и по его окончании гости перешли в другой зал, где их величества беседовали с некоторыми из присутствующих. В тот же вечер «Штандарт» снялся с якоря, держа направление на Одессу. На следующий день стало известно, что предложение о сватовстве отложено на неопределенное время.

Что касается визита представителей королевских домов Европы, то они прибывали в Российскую империю на государственные и военные церемониалы, а также по личному приглашению членов императорской фамилии. В последнем случае в их честь устраивались военные парады, давались балы и приемы.

Российская протокольная практика в этом отношении мало отличалась от европейской, так в 1889 году в период пребывания Александра III в Берлине русского императора встречали все войска Берлинского гарнизона, которые потом прошли церемониальным маршем мимо русского посольства. Русский и германский императоры наблюдали за шествием стоя на улице.

«В 3 принимаю кн. Бисмарка, который нарочно приехал сюда встретить меня и был даже на станции, чего он не делал ни для Императора Австрийского, ни для короля Испанского...» – писал императрице Марии Федоровне Александр III [7].

Летом 1891 года в Кронштадт прибыла французская эскадра под флагом адмирала Жерве. Гофмаршал князь В.С. Оболенский доложил императору об обеде в честь моряков

в Большом Петергофском дворце и спросил, провозгласит ли государь только тост в честь эскадры или скажет речь, Александр III ответил, что будет тост за Францию, за адмирала и эскадру, на что Оболенский доложил, что в таких случаях по этикету следует играть гимн, а это «Марсельеза». «Но ведь это их гимн, значит его следует играть». – «Но, Ваше Величество, это Марсельеза...» – «Ах, князь, вы, кажется, хотите, чтобы я сочинил новый гимн для французов; нет уж, играйте тот, какой есть» [8]. Празднества в честь французской эскадры прошли с большим подъемом и оставили заметный след в памяти русских и французов.

Перед отправкой русской эскадры в Тулон, когда намечали кандидатов для ее командования, Александр III приказал отметить в списке напротив фамилии каждого, насколько он владеет французским языком. В список внесли три определения: адмиралы, вполне владеющие французским языком, владеющие в достаточной степени и не особенно владеющие. «В шкале последнего разряда был адмирал Авелан, но Государь выбрал его, как выдающегося флотоводца, а по поводу французского языка он заметил, что в таких случаях лучше поменьше говорить, чтобы не увлечься. Выбор Государя оказался очень удачным, и Авелан пользовался большой популярностью во Франции во время пребывания нашей эскадры там», – вспоминал генерал от инфантерии Н.А. Епанчин [8]. Соглашение России и Франции последовало после посещения французской эскадрой адмирала Жерве Кронштадта в 1891 году и ответного посещения нашей эскадрой адмирала Авелана Тулона в 1893 году. 20 сентября 1894 года Александр III скончался, поэтому президент Французской республики и русский император не смогли обменяться визитами. При вступлении на престол Николая II президентом Франции был Феликс Фор, который принял верховную власть раньше Николая Александровича, и поэтому русский император должен был первым отправиться в Париж.

Высший свет Петербурга был возмущен тем, что самодержец первый сделает визит республиканскому президенту, кроме этого, все «германофильствующие» при дворе были против союза с Францией [9]. После коронации Николай II наносит визиты Францу-Иосифу и Вильгельму II, которые в свою очередь нанесли ответные визиты в 1897 году. Вслед за Вильгельмом II в

Петербург прибыл президент Франции, чей приезд имел большое значение.

По окончании большого смотра в Красном Селе состоялся высочайший завтрак в палатке, во время которого был провозглашен франко-русский союз.

Император Российской империи сидел за столом напротив президента Французской республики. У каждого прибора лежало художественно исполненное меню работы художника Солом-ко. В конце завтрака Николай II встал, взял меню и произнес речь об отношениях Франции и России и закончил провозглашением Союза.

Присутствовавшие заметили, что Николай II обращался к Фору, иногда смотрел на меню, на которое был положен текст речи, согласованный с французской стороной. Следует отметить, что согласно протоколу в подобных случаях было принято читать речь.

После выступления Николая II прозвучала «Марсельеза», а после ответной речи президента – гимн Российской империи. Франко-русский союз, провозглашенный на завтраке в Красном Селе, просуществовал до Брестского мира в 1918 году [10].

27 марта 1908 года в Царское Село приехал князь Николай Черногорский. Государь встречал его на вокзале царской ветки. Кроме великих князей Николая Николаевича и Гавриила Константиновича никого из членов императорской фамилии на вокзале не было. Встретив князя Черногорского, государь уехал с ним в карете.

В июле 1914 года в Петербург прибыл президент Французской республики Раймонд Пуанкаре. Император Николай II выехал к нему на встречу в Кронштадт.

Торжественная встреча президента Франции с членами императорской фамилии состоялась на пристани в Петергофе. Великие князья выстроились по старшинству. Великий князь Кирилл Владимирович, как старший по престолонаследию, стоял на правом фланге. Импера-

тор и великие князья, награжденные орденом Почетного легиона, были при ордене, а президент – в Андреевской ленте. Вечером в Петровском зале большого Петергофского дворца состоялся обед в честь президента, на котором император и президент обменялись речами. Великий князь Гавриил Константинович вспоминал об этом приеме: «Государь говорил, как всегда, очень просто и с большим достоинством. Перед ним на столе лежала бумага с написанной на ней речью, но трудно было определить, читал ли ее государь или говорил наизусть. Пуанкаре говорил как опытный оратор: с пафосом и очень хорошо» [11].

После обеда приглашенные вышли на открытый балкон, выходящий в сад, где государь и президент беседовали с присутствовавшими.

Накануне большого ежегодного парада в Красном Селе, на котором в 1914 году присутствовал Пуанкаре, состоялся «высочайший объезд войск» в Красном Селе. Президент Франции находился в одном экипаже с императрицей Александрой Федоровной. По окончании церемонии великий князь Николай Николаевич дал большой обед в честь Пуанкаре [12].

По отзывам присутствующих на этом обеде, подаваемые к столу блюда отличались утонченным вкусом, что было и неудивительно: Николай Николаевич лично следил за своей кухней и держал хороших поваров. После обеда все отправились на спектакль в Красносельский театр. Визит президента Франции проходил на фоне «беспорядков на заводах», для усмирения которых были посланы некоторые из гвардейских частей.

Следует отметить, что это был не первый приезд Пуанкаре в Петербург. Будучи председателем Совета министров, он приезжал в столицу вместе с генералом Жоффром в 1913 году. Генерала возили по маневрам и смотрам, а жена его гостила в это время в имении Николая Николаевича под Петербургом. Великий князь показывал генералу в присутствии государя учение всей кавалерии, находившейся в лагере под Красным Селом.

5 августа 1913 года император принимал в Петергофе парад 8-го Уланского Вознесенского и 3-го Гусарского Елизаветградского полков. Шефом Гусарского полка была великая княжна Ольга Николаевна, а Уланского – великая княжна Татьяна Николаевна (старшие дочери императора).

Во время церемониального марша великие княжны ехали перед своими полками на месте шефа, то есть перед командиром полка. «Обе Великие княжны галопом заехали к государю, но Ольга Николаевна срезала круг. Обе они были прелестны и очень старались. Я думаю, что государь сильно волновался, видя своих дочерей в первый – и увы! – последний раз в строю», – вспоминал великий князь Гавриил Константинович [13].

В октябре 1917 года, в результате государственного переворота, был прерван естественный ход развития российской государственной церемониальной культуры. Церемониалы власти вступили в борьбу за власть.

Глава 1

1920-е годы

*Побольше пышности и сердечности, поменьше шума и огласки.
Из переписки Г.В. Чичерина с М.В. Фрунзе по вопросам организации
визита китайского генерала Сю. 1925 год*

1920-е годы

Визит арабской делегации, приезд в Москву Ф. Нансена, завтрак в итальянской торговой миссии Д.Т. Флоринского, визит французской делегации

Согласно документам фонда Протокольного отдела Архива внешней политики РФ, одним из первых зарубежных визитов в Советскую Россию, в организации которого активную роль играло протокольное подразделение Наркомата иностранных дел, являлся приезд в Москву из Берлина 11 июня 1921 года арабской делегации в составе Эмир Шекиб Арслан-бея, Валид-бея и Нури Февзи-бея [1].

Подготовка к приему гостей началась не с разработки проекта программы их пребывания в Москве, а с написания сотрудниками протокольной части НКВД своеобразных характеристик на членов делегации, и в первую очередь на Эмира Шекиба – бывшего депутата Сирии в Отоманском парламенте, видного общественного деятеля. Будучи профессиональным журналистом, он много писал в периодической арабской и европейской прессе и являлся сторонником турецкого протектората над Сирией, который, по его мнению, лучше западноевропейского владычества². Что касается Валибея и Нури Февзи-бея, то про них сказано лишь то, что они – потомки знатных арабских семей из Триполи и приехали в Москву под псевдонимами, принятыми ими для этой поездки [2].

25 июня к сирийскому депутату и представителям Триполи присоединились посланцы других арабских государств, прибывших в Москву с целью обсудить помощь, которая может быть оказана Сирии, Месопотамии, Египту, Триполи и Марокко «в их борьбе с западным империализмом» [3].

В ночь с 26 на 27 июня в Наркоминделе состоялось совещание под председательством народного комиссара по иностранным делам Г.В. Чичерина, в котором принимали участие

---

² 10 августа 1920 года в Севре, близ Парижа, состоялось подписание мирного договора между странами Антанты и Турцией. Турция лишилась Сирии, Ливана, Палестины, Месопотамии, всех владений на Аравийском полуострове. Турция признала протекторат Англии над Египтом и Франции над Марокко и Тунисом.

члены арабской делегации, а также французские и итальянские делегаты III конгресса Коминтерна (заседание закончилось в четвертом часу ночи) [4].

30 июня члены делегации во время встречи с секретарем Коминтерна М.В. Кобецким (которому были представлены Д.Т. Флоринским, возглавлявшим протокольное подразделение НКВД) передали ему меморандум для доклада на бюро Коминтерна.

Следует заметить, что из Москвы некоторые гости уезжали с «новыми паспортами». Так, Эмир Шекиб (Шакиб) отправился в Берлин, чтобы продолжить работу в арабской газете, с турецким паспортом, выданным посольством в Москве на имя Ахмед Махмуд-бея. По его словам, он вынес «самое отрадное впечатление от своего пребывания в России и надеется сохранить с ней теснейшую связь. Возможно, что он вскоре вернется в Москву» [5].

Таким образом, деятельность протокольной части во время визита арабской делегации ограничилась представлением и сопровождением гостей, а также составлением на них досье.

Описание протокольных аспектов зарубежного визита мы впервые встречаем в документах фонда Протокольного отдела, датируемых ноябрем 1921 года во время приезда в Советскую Россию Ф. Нансена, который прибыл в Москву из Варшавы с экстренным поездом. 20 ноября в 22 часа 15 минут Нансен встретил на вокзале исполняющий должность секретаря замнаркома иностранных дел Струкгоф, который приветствовал его от имени НКВД.

С вокзала господин Нансен был доставлен в особняк НКВД на Софийской набережной, где ему и сопровождавшему его доктору Фаррату были приготовлены три комнаты. На ужине, во время беседы, Нансен высказал пожелание посетить Самарскую и Саратовские губернии, а затем – на более продолжительное время – вернуться в Москву, куда должны прибыть его сотрудники для организации Бюро помощи голодающим. 21 ноября Нансен посетил своего уполномоченного Гильгера, который при встрече сказал ему, что размеры помощи Поволжью более серьезны, чем ими предполагалось [6].

Переход от военного коммунизма к НЭПу, развитие системы образования – все это заставляло западные страны пересмотреть свое отношение к Советской России, а с 30 декабря 1922 года – к СССР.

Прием иностранных граждан и организация визитов зарубежных миссий требовали развития протокольной службы НКВД, что в свою очередь было связано с определенными финансовыми расходами, которые некоторым сотрудникам Наркомата приходилось покрывать за счет собственного жалования.

2 марта 1922 года заведующий протокольной частью НКВД Д.Т. Флоринский обращается с докладной запиской в Коллегию НКВД, в которой просит выделить кредит в размере 100 золотых рублей в месяц «на представительство», так как в связи с выполнением профессиональных обязанностей «приходится быть чисто одетым, нести значительные расходы на прачку, давать чаевые и т. д. Кроме того, невозможно бывать у иностранцев и никогда не звать их к себе, так как невольно попадаешь в положение «бедного родственника» и обязываешься, что, конечно, совершенно нежелательно» [7].

Насколько своевременным и актуальным было обращение Флоринского, свидетельствует тот факт, что на завтраке в итальянской торговой миссии, куда заведующий протокольной частью НКВД был приглашен 13 сентября 1922 года, было высказано предложение о скорейшем создании в Москве клуба для дипломатического корпуса.

Кроме Флоринского, председатель итальянской торговой миссии Амадори пригласил на завтрак польского поверенного в делах Моравского и литовского посланника Балтрушайтиса (из НКВД были приглашены также Коган и Флотский).

Перед завтраком имел место забавный инцидент. Вылетевший в этот день из Москвы в Берлин итальянский курьер высказал мнение, что Ковно, где ему придется приземлиться, находится в Польше. Моравский в шуточной форме выразил протест и попросил не делать подобных заявлений в его присутствии, дабы он не был обвинен в пропаганде шовинистских

идей. Амадори жаловался «на обилие работы, не позволяющей ему пользоваться стоящей прекрасной погодой» [8]. Советская сторона восприняла это высказывание как намек на то, что «он несколько удручен тем, что его отношения с НКВД ограничиваются рамками повседневной текущей переписки и не касаются широких политических вопросов, в которых заинтересованы Италия и Россия».

За завтраком разговор велся по-французски, говорили о театрах и балете. Из представителей НКВД беседу поддерживал Флоринский, так как другие приглашенные сотрудники НКВД не знали французского языка. Один из гостей с советской стороны, делаясь впечатлениями о завтраке, отметил, что «кухня у итальянцев слабая, а «Старка» и «Венгерский ликер», которые особо и расхваливал г. Амадори, из рук вон плохи» [9].

За неимением в Москве специального дипломатического клуба местом, где могли встретиться представители западноевропейских и иностранных миссий и зарубежные политики, находившиеся в Москве, становится организация Нансена. В сентябре 1922 года там побывал известный французский политический деятель господин Эррио, визит которого в Россию стал важным событием в истории российско-французских отношений в целом и в истории российского протокола в частности, поэтому рассмотрим его подробнее.

В своем дневнике Флоринский не сообщает об отдельных протокольных аспектах визита, его главная задача – организация встреч французского гостя с советскими руководителями и посещений им промышленных, торговых и культурных объектов.

Мы полагаем, что в контексте сложившейся в это время международной обстановки представляет интерес сам стиль общения советских лидеров с французским гостем на официальных встречах, содержание которых фиксировал в своем дневнике глава протокольной части НКВД Д.Т. Флоринский.

20 сентября 1922 года, на первой встрече заместителя народного комиссара по иностранным делам Л.М. Карахана с Эррио, французский представитель, выразив искреннюю благодарность за организацию путешествия в Москву и за предоставленные помещения для проживания, заявил, что он и его коллега «<...> приехали сюда, чтобы работать, наблюдать и сообщать наше впечатление во Францию. <...> По дороге в Москву мы имели уже возможность с восторгом наблюдать зеленеющие обработанные поля. Это состояние полей произвело на нас сильное впечатление, и мы не преминем рассказать об этом во Франции. Мы хотели бы немедленно приступить к дальнейшей работе в Москве и просим Вас указать, что нам следует смотреть и с какими сторонами жизни знакомиться» [10].

Карахан ответил, что затрудняется дать такие указания, поскольку Эррио не уточнил, что именно его интересует, но он предполагает, что наибольший интерес представляет для гостей экономико-промышленная деятельность, а для этого необходимо встретиться с Красиным, Богдановым, Рыковым, осмотреть советские фабрики и заводы, советские школы, воочию убедиться, что Россия не представляет «пустыни, как это принято думать в Западной Европе» [11]. Со своей стороны Карахан пообещал сделать все от него зависящее, чтобы облегчить работу Эррио по получению «правильной информации и впечатлений», но для этого тот должен конкретно указать, что его интересует.

Эррио поблагодарил Карахана за оказанное содействие и в свою очередь отметил, что он приехал в Москву не в качестве официального представителя Франции, а в качестве «представителя широких общественных кругов» [12]. Его интересует не политика, а экономическое положение России, о котором он хочет дать отчет. Это будет способствовать русско-французскому сближению, «пионерами которого являются он и его коллега Даладь» [13] (Даладь сопровождал Эррио в поездке). Помимо русской промышленности его интересуют условия быта крестьян, и он охотно воспользуется предложением Карахана посетить одну из подмосковных деревень. По мнению Эррио, Россия имеет все шансы стать такой же, как США, – могущественной земледельческой страной. Он считает, что одной из задач французо-рус-

ских отношений – улучшение системы земледелия с помощью французской земледельческой техники.

В конце беседы Карахан отметил, что многие русские испытывают симпатии к Франции и желали бы достигнуть с ней сближения, Франция является чуть ли не единственным государством, с которым у России не существует противоречия интересов по вопросам международной политики [14]. Беседа дипломатов – это искусство. Карахан и Эррио доказали, что владеют этим искусством в совершенстве.

Встреча завершилась обычными в таких случаях обменами любезностями; прощаясь, французские гости выразили надежду, что это не последняя беседа с Караханом [15].

Находясь в Москве, Эррио высказал пожелание посетить Нижегородскую ярмарку. Несмотря на то что перед отъездом

23 сентября он был предупрежден, что ярмарка закончила работу 15-го и что осталось лишь немного фирм, Эррио не изменил своего намерения и выехал вечером в Нижний Новгород.

В 11 часов утра на вокзале в Нижнем гостей встречали председатель и члены ярмарочного комитета. Оставив багаж на вокзале, экскурсанты отправились на ярмарку, во время осмотра которой на французов произвело сильное впечатление заявление о том, что 20 каменных корпусов было отстроено в течение 40 дней. При этом Эррио заметил, что такие работы не могли быть выполнены в течение столь короткого времени во Франции [16].

Ознакомившись с подробным отчетом на французском языке об организации и оборотах первой советской Нижегородской ярмарки, Эррио высказал желание получить для города Лиона один из ярмарочных корпусов. Узнав об образовании акционерного общества Нижегородской ярмарки, одним из пайщиков которого являлось советское правительство, Эррио заявил о готовности взять, если это возможно, на долю Лиона несколько паев, чтобы способствовать финансовому успеху ярмарки [17]. В Нижнем Новгороде во время посещения французскими гостями радиолaborатории, основанной в 1918 году, им было разъяснено, что благодаря этой лаборатории советское правительство могло поддерживать, несмотря на блокаду, связь с партнерами.

Эррио просит об отправке в Лион телеграммы приблизительно следующего содержания: «Шлем привет с Нижегородской ярмарки. Чувствуем себя здесь превосходно. Деятельно работаем для сближения обоих народов» [18].

Во время проводов на вокзале французский гость сердечно прощается не только с представителем ярмарочного комитета Малышевым, но также с одним из товарищей ГПУ, который был с русскими войсками в Алжире, и затем вновь повторяет приглашение Малышеву посетить Лион 1 марта.

Уже в поезде Флоринский спросил Эррио, удастся ли ему получить разрешение французского правительства на поездку русских промышленников на Лионскую ярмарку. Тот заверил Флоринского, что он берет это всецело на себя и что разрешение будет дано [19].

В Москве 27 сентября Эррио и Деладье смотрели «Лебединое озеро». Во время первого антракта Эррио выразил удовлетворение от встречи с Красиным и восхищался его прямолинейностью и искренностью: «Наши точки зрения весьма приближаются, и я убежден, что нам легко будет договориться» [20]. Французы были в восторге от балета, который они «ставят выше оперы». После спектакля гости отправились на ужин с артистами, где пробыли до 3 часов утра.

В Москве Эррио изучал состояние российской промышленности и условия труда рабочих, посетил несколько детских домов, Прохоровскую мануфактуру, электростанцию и русско-американский завод.

Из Москвы французская делегация отправилась в Петроград. Свои впечатления о поездке Эррио изложил в интервью, напечатанном 5 октября в «Торгово-промышленном бюл-

летене» и в «Петербургской правде». В течение трехдневного пребывания Эррио в городе советская сторона стремилась «создать у него отчетливое впечатление о напряжении и энергии, которые делает Красный Питер для возрождения своей промышленности и порта <...>» [21].

По приезде в Петроград Эррио был размещен в европейской гостинице, не уступающей лучшим европейским отелям. На следующий день он посетил Эрмитаж, Торговую палату, осмотрел порт. Вечером Флоринский и французские гости побывали в оперетте и ужинали в ресторане «Европейской».

За ужином разгорелась дискуссия, во время которой французский гость доказывал, что восстановление в широком масштабе промышленности невозможно без восстановления института «крупной частной собственности. Только инициатива владельца, риск предпринимателя, вознаграждаемого барышами, являются факторами, способными воссоздать крупные предприятия. Лица, как Красин, Богданов и др., с которыми ему приходилось встречаться, работающие не ради наживы, а ради идеи и блага коллектива, – редкое исключение. Впрочем, он тут же должен согласиться, что в России ему пришлось наблюдать значительное количество таких счастливых исключений, равно и как и с тем, что Советское правительство имеет возможность и воспитывает массы в данном направлении» [22]. По его мнению, этот эксперимент весьма интересен: «Посмотрим, что из этого выйдет» [23].

4 октября, во время посещения Путиловского завода, Эррио познакомился с директором завода, в прошлом рабочим. Во время встречи гостю рассказали, что раньше на заводе работало 35 тысяч рабочих, сейчас – 2,5 тысячи. Здание и оборудование сохранилось, но отсутствие сырья, топлива, капитала не дают запустить производство на полную мощность [24]. В тот же день гости побывали в Эрмитаже, в отделении французского Красного Креста, в Мариинском театре.

На следующий день Эррио встретился с жильцами французского дома – убежища и госпиталя на Васильевском острове. На завтраке в Торговой палате ему поднесли художественное воспроизведение из папье-маше египетских богов, находящихся в Эрмитаже. После завтрака состоялся осмотр в «дивном дворце» комнат Александра II и Николая II [25].

Весьма символично, что после императорских покоев советская сторона показала французским гостям в Музее революции фотографии со зверствами белогвардейцев, которые произвели на них сильное впечатление. Вечером того же дня французская делегация отправилась в Москву, сожалея, что не успели досмотреть земледельческую выставку.

В последние дни нахождения в Москве (с 7 по 10 октября) Эррио встречался с Дзержинским, Луначарским, Троцким.

На балете «Копелия» в ложу, где находился Эррио, передали телеграмму от Пуанкаре следующего содержания: «Письмо Ваше должным образом получил и благодарю Вас за него» [26]. Это послание обрадовало Эррио – Пуанкаре разделяет его взгляды.

Следует заметить, что советская пресса, узнав о телеграмме, внесла в ее текст некоторые дополнения, которые, по словам Флоринского, могли вызвать неоднозначную реакцию у Пуанкаре. Так, в интервью Эррио, помещенном в «Известиях» под заголовком «Накануне сближения», было сказано: «Вместе с тем Пуанкаре просил меня передать его благодарность Советскому Правительству за тот внимательный и радушный прием, который был оказан в моем лице представителям Франции» [27].

К счастью, эта журналистская вольность не вызвала отрицательной реакции в Париже и не испортила общего впечатления от поездки Эррио в Россию.

Во время посещения Спасских казарм Эррио, удивляясь царящим там чистоте и порядку, а также дисциплине военнослужащих, сравнивал дух и дисциплину советской армии с армией Великой французской революции. В Бутырской тюрьме ему было разрешено свидание с французским гражданином Сальвелем, обвиненным в шпионаже [28].

На вокзале Эррио провожали чехословаки и поляки. Перед отъездом он выразил сердечную благодарность Чичерину и Карахану за оказанное гостеприимство и сказал, что сделает все, чтобы дать французскому обществу и французскому правительству правильное представление о России, необходимое для возобновления отношений.

Прощаясь с Флоринским, Эррио пообещал, что за оказанные им услуги он постарается представить его к ордену Почетного легиона. Выразив благодарность, Флоринский сказал, что он вынужден отказаться от этой чести, так как «мы не принимаем иностранных орденов» [29].

В своем дневнике Флоринский обращает внимание на интерес немецких представителей в Москве к приезду Эррио в Россию. В начале октября, вечером, после окончания балетного спектакля, он встретил одного из них в кафе, тот находился в нетрезвом состоянии, когда Флоринский подошел поздороваться, господин заявил, что ему грустно, так как «мы начали кокетничать с Францией» [30].

Франция ставила нормализацию отношений с СССР в зависимость от его согласия признать долги царского и Временного правительств и выплатить компенсацию французским гражданам, имущество которых было национализировано. За признание СССР и установление с ним дипломатических отношений выступали видные политические деятели, посетившие в разное время нашу страну.

В мае 1924 года на парламентских выборах победил левый блок, в предвыборной платформе которого содержался призыв к признанию СССР. Спустя пять месяцев сформированный Эррио кабинет признал советское правительство. Признание СССР Францией, которая на протяжении семи лет занимала по отношению к нему непримиримую позицию, означало большую победу Советского государства.

Представители иностранных миссий, и в первую очередь западноевропейских государств, находясь в Москве, не скрывали своего отношения к новым революционным церемониалам древней столицы. Так, 7 ноября 1922 года англичане умышленно опоздали на парад. Их шокировала препроводительная замена НКВД к билетам, в которой было сказано, что парад посвящен 5-летию Октябрьской революции. При этом французские дипломаты, в свою очередь, в силу традиционного соперничества Франции и Англии «подсмеивались над тупоумием англичан». Французы также сообщили в НКВД, что английские представители возобновили свои воскресные приемы (five o'clock tea), на которых «очень веселятся и танцуют». На одном из таких приемов у них был весь дипломатический корпус, за исключением посла Персии [31].

В протоколе нет мелочей и случайностей, нарушение протокольных норм – демонстрация отношения к государству. Сотрудники протокольной части НКВД находились буквально на «передовой» дипломатических отношений, а точнее, сражений, происходивших в Москве в 20-х годах.

Приложение

В сентябре 1922 года одной из главных тем, широко обсуждавшихся в среде иностранных представителей, было назначение Каменева зампредом Совнаркома. Эта новость особенно взволновала немецкую сторону, которая высказала предположение, что Ленин окончательно отошел от дел и что назначение Каменева может повлечь изменение советской политики в отношении Германии в неблагоприятную для нее сторону [32].

Визиты китайских представителей. Досье на дипломатов из Персии, Италии, Польши, Эстонии и Японии. Визит Л.Д. Троцкого и иностранных корреспондентов на открытие Шатурской электростанции

В феврале 1923 года в Кантоне было образовано революционное правительство, в которое наряду с гоминьдановцами входили коммунисты. СССР поддерживал борьбу китайского

народа. В сентябре 1924 года кантонское правительство обратилось за помощью к советскому руководству, и оно незамедлительно послало в Кантон морским путем оружие и боеприпасы. В своем решении, принятом в апреле 1926 года, ЦК ВКП(б) подчеркивал, что советское правительство должно сделать все, чтобы затруднить создание единого империалистического фронта против Китая. Центральный комитет указывал на необходимость проводить линию, основанную на величайшем внимании и правам Китая, на подчеркивании его суверенитета.

В СССР было организовано общество «Руки прочь от Китая». Во многих городах СССР рабочие и служащие отчисляли в фонд помощи китайскому народу однодневный заработок.

В 1926 году революционная армия Китая начала поход с юга на север, чтобы освободить и объединить всю страну. СССР поставлял в Китай оружие и боеприпасы. В разработке стратегического плана Северного похода участвовали военные специалисты во главе с Блюхером.

В июле 1925 года в НКВД началась подготовка к визиту в Москву генерала Сю, который «разъезжает по европейским странам и Америке со специальной миссией Президента Китайской Республики, в качестве, так сказать, чрезвычайного посла», – сообщил Г.В. Чичерин в своем послании народному комиссару по военным и морским делам М.В. Фрунзе (10 июля) [1].

Георгий Васильевич обращает внимание Фрунзе на то, что в других странах генералу устраивали пышный прием. Полпред Китайской Республики в Москве Ли-Тья-Ло неоднократно ставил перед НКВД вопрос о характере встречи и нежелательности упущений в виду китайской щепетильности к вопросам этикета. По мнению Чичерина, несмотря на то что «Сю является одиозной фигурой, как монархист и враг дружественной нам Монголии, в которой он долго был вице-королем и прославился своей жестокостью, но ввиду его миссии нам надо устроить ему более или менее торжественный прием с наименьшей оглаской» [2].

Организация визита китайского генерала проходила под лозунгом «Побольше пышности и сердечности, поменьше шума и огласки» [3].

Проект встречи включал в себя:

– встречу генерала Сю на вокзале заведующим протокольной частью и заведующим отделом Дальнего Востока в сопровождении сотрудников этих отделов и представителей Реввоенсовета. Почетный караул не выставляется. Фотографы и операторы будут предупреждены, что фотографии и киносъемки не должны быть достоянием публики без ведома и согласия НКВД. В посольство Сю отправится на машине НКВД в сопровождении заведующего протокольной частью;

– предусматриваются официальные визиты членам советского правительства;

– генералу Сю предоставляются ложи в Большом театре – одна на балет и одна на оперу.

Организуется осмотр достопримечательностей Москвы;

– в проводах принимают участие те лица, что и при встрече [4].

11 июля Чичерин высказывает в послании Фрунзе свое мнение о том, что генерала Сю важно познакомить с организацией Красной армии «с тем, чтобы он мог убедиться в ее мощи. Поэтому ему следовало бы показать лагеря и учения частей различного рода оружия, в частности кавалерии» [5].

Делегация китайского правительства по изучению экономического и политического положения Европы прибыла в Москву 15 июля, посетив перед этим Лондон и Берлин [6].

Генерал Сю находился в СССР до 24 июня, программа визита предусматривала в первую очередь посещение военных лагерей, а также встречи Сю с председателем Совета народных комиссаров СССР А.И. Рыковым, народным комиссаром по военным делам М.В. Фрунзе, народным комиссаром иностранных дел

Г.В. Чичериным, замначальника штаба РККА Пугачевым, народным комиссаром путей сообщения Я.Э. Рудзутаком, председателем комитета при Совете наркома СССР Л.Д. Троцким.

Члены делегации осмотрели Кремль, посетили Дом крестьянина, Дом отдыха для рабочих, Дома охраны, Государственный банк, фабрики «Красный Октябрь» и «Богатырь».

Уезжая из Москвы, Сю «горячо благодарил за оказанный ему прием и за предоставленную ему возможность ознакомиться с различными областями нашей действительности» [7].

В 20-х годах закладывались основы советских протокольных традиций. Насколько активно происходило развитие протокольной службы НКВД, свидетельствует подготовка к визиту в Москву кантонского министра Ху Хан Мина в октябре 1925 года, программа пребывания которого была составлена не по хронологическому, а по тематическому принципу:

1. **Беседы с членами правительства** (Калининым, Каменевым и др.).
2. **Коминтерн и РКП(б)**. Беседы с Зиновьевым, Сталиным, Молотовым, Радеком и др.
3. **Просвещение**. Беседа с Луначарским. Посещение детского дома, рабочего факультета, Центрального дома коммунистического воспитания, лесной школы, Библиотеки имени Ленина.
4. **Здравоохранение и физкультура**. Беседа с Семашко. Посещение Центрального института физической культуры, Центрального дома материнства и младенчества.
5. **Промышленность**. Беседы с Троцким, Дзержинским, Пятаковым. Посещение заводов «Динамо», «АМО», «Каучук», Краснопресненской хлопчатобумажной мануфактуры, кондитерской фабрики «Красный Октябрь».
6. **Торговля**. Беседы с Красиным, Фрумкиным и др.
7. **Музеи**. Посещение Музея революции, Третьяковской галереи, Музея фарфора, Музея изящных искусств, Кремля.
8. **Мавзолей В.И. Ленина**.
9. **Театры**.
10. **Клубы**. Центральный комсомольский клуб, Центральный пионерский клуб.
11. **Финансы**. Беседы с Сокольниковым. Осмотр золотого запаса Госбанка и Алмазного фонда СССР.
12. **Осмотр показательных учреждений**: Центрального дома крестьянина, Центрального института труда [8].

В 20-х годах протокольная часть НКВД под руководством Флоринского – это коллектив творческих личностей, которые не боялись экспериментировать и разрабатывали нормы протокольной практики, остававшиеся актуальными на протяжении десятилетий.

Флоринский и члены его коллектива весьма оперативно реагировали на замечания и делали все возможное для исправления отдельных недостатков в своей работе.

Так, 7 декабря 1925 года на имя заместителя управделами Совета народных комиссаров Мирошникова поступило сообщение от коменданта Московского Кремля Р. Петерсона, в котором тот просил разобраться с целым рядом «ненормальностей» в организации посещения Кремля иностранными представителями [9].

Претензии Петерсона были следующими:

– его не оповещают заблаговременно о характере приема, поэтому, «отвечая перед НКВД и высшими и начальниками о соблюдении должного этикета», он не может «проверить знание необходимых правил лиц, участвующих в приеме» [10];

– штат курьеров недостаточно подготовлен для проведения протокольных мероприятий: «не выбриты, плохо одеты, не сообразительны и т. д.». Петерсон просит одеть их в однообразную форму, выдав зимой тужурки и черные суконные брюки, а летом – брюки из легкой материи;

– по мнению Петерсона, «не все благополучно» и по хозяйственной части, разные ложечки подаются к чаю [11]. Он просит приобрести два хороших подноса, сервиз, необходимо также иметь запас «хороших сигарет и папирос» не в обыкновенной, а в специально выпол-

ненной отечественными народными мастерами упаковке. Для сигар нужен специальный ножик для нарезки;

– очень плохо, по мнению Петерсона, обстоит дело и с помещением для приема иностранцев в СНК. Необходимо оборудовать подъезд (выстелить лестницу дорожкой и т. д.), отсутствует помещение, где после беседы можно подать чай, кофе, угощения [12].

В ответном послании на имя Петерсона (от 10 декабря) Флоринский пишет, что Протокольный отдел согласен с его предложениями. Что касается приобретения необходимых сервизов, то он предлагает кроме посуды и серебра, хранящихся в кладовых Большого дворца в Кремле, использовать сервизы из ленинградских дворцов: «Многое <...> разбазаривается, не лучше ли было бы перевести их в Кремль, где они были в сохранности и могли бы быть использованы в случае необходимости» [13].

Подобная переписка вызывает целый ряд вопросов, и в первую очередь как за несколько лет советской власти удалось «разбазарить», используя терминологию Флоринского, сокровища кладовых Московского Кремля, таким образом, что встал вопрос о нехватке посуды для приема официальных лиц? И что означает фраза о «разбазаривании» ценностей в Ленинграде? Создается впечатление, что местные власти не только не могли, но и не хотели остановить процесс расхищения художественных ценностей.

Сотрудникам Протокольного отдела НКВД приходилось не только заниматься организацией протокольных мероприятий, но и составлять характеристики на их участников.

На наш взгляд, представляет интерес не только фактический материал, но и сам стиль изложения, поэтому приводим подробное содержание досье.

В качестве примера рассмотрим досье, составленные Флоринским на лиц, приглашенных на прием к К.Е. Ворошилову 2 декабря 1925 года.

– Али Голи Хан Ансори, чрезвычайный и полномочный посол Персии: «Очень яркая фигура. При царском правительстве был около десятка лет секретарем-советником Персидской миссии в Петербурге <...>. В Москву Ансори прибыл в ноябре 1920 в качестве Чрезвычайного посла. Вел с тов. Караханом переговоры и в феврале 1921 года подписал договор между РСФСР и Персией <...>. Ансори определенно придерживается ориентации на СССР, а не на Англию. <...> Ансори является дуэном Дипломатического корпуса и пользуется большим в нем уважением» [14].

– Итальянский морской атташе капитан Миралья: «Неправильно, но говорит по-русски. В Москве с весны 1924 года. Бравый моряк, весельчак, и в общем довольно простой и приятный парень <...>. Не плохо ориентируется в нашей обстановке» [15].

– Польский военный атташе Кобылянский: «Бывший русский офицер 2-го отд. Польского Генштаба, специалист по разведке. Окончил в Париже Академию Французского Генштаба. На хорошем счету у 2-го отдела Польского Генштаба, ловкий и способный человек. Имеет большие знакомства и пользуется уважением среди Дипкорпуса. В политическом отношении никакой определенной ориентации не придерживается, но ближе к группе Пилсудского. Стремится сделать карьеру» [16].

– Эстонский военный атташе Курск: «Бывший русский офицер. В Эстонии командовал дивизией, но расценивали его слабо. Усиленно занимается шпионажем в пользу Польши и Англии. Большой любитель выпить. Говорят, что за деньги он готов на всё» [17].

– Характеристика на японских представителей.

1. Кадзуо Мике – военный атташе.

«Полковник пехоты <...>. По-русски говорит слабо. Производит впечатление человека хитрого и неискреннего. Особого расположения к нам с его стороны отметить нельзя.

Всегда начеку. Из каждого сказанного слова стирается извлечь пользу.

На деловой почве с НКВД не сталкивается. В Москве находится с женой» [18].

2. Сюдзо Курасиге – помощник военного атташе: «Прибыл в чине капитана пехоты <...>. Манерой держать себя значительно менее заметен, чем Мике. При встречах больше молчит, предоставляя разговаривать ему» [19].

3. Кацудзи Масаки – морской атташе.

«Капитан II ранга японского флота <...>.

Высказывает себя крайне расположенным к СССР. Подчеркивает разницу отношений к нам со старины морских кругов в сравнении с военными. Много говорит в пользу укрепления дружбы между СССР и Японией до своего приезда в Москву <...>.

В делах обращается за поддержкой НКВД. В проведении их крайне настойчив и назойлив. По-русски говорит хорошо» [20].

В составлении характеристик Флоринскому оказывали содействие заведующие отделами Востока и Прибалтики НКВД.

Подобная деятельность была важной, но не главной составляющей в работе Протокольного отдела.

В 20-х годах СССР стремился продемонстрировать миру все достижения, совершенные в первые годы существования советской власти. Популяризацией успехов в том числе приходилось заниматься и НКВД, в частности Протокольному отделу этого наркомата.

Открытие Шатурской электростанции в 1925 году вызвало у иностранных журналистов, аккредитованных в Москве, сильный интерес, который, как известно, зачастую перерастает в ажиотаж, и тот, в свою очередь, в скандал. Именно со скандала и началась поездка инкоров на открытие электростанции в декабре 1925 года. Представители прессы буквально штурмом пытались взять международные вагоны, предназначенные для дипломатов, и не желали занимать «простые» местные вагоны. [21].

В дороге произошел инцидент, который не остался без внимания не только сотрудников НКВД, но и журналистов. На одной из станций перед вагоном Троцкого собралась большая толпа местных крестьян, которые криками и аплодисментами требовали, чтобы Троцкий показался в окне вагона. Лишь перед самым отходом поезда Троцкий вышел на перрон и сказал несколько слов собравшимся. Этот случай «страшно» заинтересовал корреспондентов, которые с другими пассажирами поезда, включая дипломатов, буквально кинулись к вагону Троцкого, когда поезд остановился в Шатуре, и затем, утопая в глубоком снегу, последовали за ним на станцию. По дороге к процессии присоединились местные рабочие и крестьяне. У входа в электростанцию началась давка: трудящихся не пускали на территорию, а «московские гости» толпились сзади с билетами и не могли пройти [22].

После того как отдельным группам приглашенных удалось пробраться на станцию, там вновь началась, по словам очевидцев, «форменная погоня за ним (Троцким. – *Авт.*). Все, включая дипломатов <...>, как дети бежали за Троцким вверх, вниз по коридорам и т. д. Станцию, кажется, никто не осматривал. Так длилось более часа. Наконец Троцкий скрылся в отдельной комнате», – вспоминал один из очевидцев [23].

Митинг состоялся под открытым небом, гости ждали его открытия не менее получаса, но, когда стало известно, что Троцкий на митинге выступать не будет, корреспонденты и дипломаты его покинули.

Организация обеда, так же как и все предыдущие мероприятия, оставляла желать лучшего. Для обеда были отведены две комнаты: для дипломатов в нижнем помещении электростанции, а для «остальной публики» – наверху, где работали машины. Инкоры стремились пройти к дипломатам, куда их не пускали, а наверху в это время все столы уже были заняты. В результате голодные и уставшие корреспонденты должны были толпиться в дверях и оттуда наблюдать за обедом. Но после сообщения, что Троцкий будет в верхнем зале произносить речь, все, включая дипломатов, бросаются наверх, где «строят баррикады из скамеек и столов, чтобы лучше слышать Троцкого» (в зале работали машины. – *Авт.*) [24].

Троцкий просит остановить машины и, получив отказ, идет вниз, все собравшиеся следуют за ним, полагая, что «праздник» завершен.

В поезде вновь скандал: купе инкоров занято посторонними лицами, которые, после того как ГПУ их «выставило», выбрасывают на сиденье «плевательницу и разбрасывают апельсиновые корки». Настроение улучшается, когда поезд трогается и можно заказать чай, после которого начинается «благорастворение умов» [25].

Чтобы сгладить негативное впечатление от поездки, в вагон с иностранными корреспондентами подсаживается один из администраторов, который заявляет: «Что же, станция работает уже давно, с 5-го октября. Теперь т. Троцкий приехал, нам в недельный срок приказали приготовить торжественное открытие. Ну что ж, приказали, мы сделали. А разве разбираются, можем ли мы?» [26].

В завершение представитель НКВД передает мнение инкоров, что секретарь замнаркома «мог бы лучше одеваться» [27].

Таким образом «праздничный переполох» на открытии Шатурской электростанции перечеркнул всю значимость этого события и в конечном итоге нанес удар по имиджу республики.

Приемы «моряков моряками». Визиты в Ленинград итальянского военного корабля «Мирабелло» (1924 и 1925). Визит советских военных моряков в августе 1924 года в Италию. Визит итальянской миноносной флотилии в Ленинград в 1925 году, ответный визит советской эскадры в Италию (1925)

Генуэзская (10 апреля – 19 мая 1922 года) и Гагская (19 июня – 17 июля 1922 года) конференции продемонстрировали успехи внешней политики молодого Советского государства. Западноевропейские державы не смогли навязать ему свои условия, а Рапалльский договор (16 апреля 1922 года) означал прорыв Советской России на международной арене. В 1924–1925 годах СССР установил дипломатические отношения со многими странами. Этот период вошел в историю советской внешней политики как «полоса признаний».

7 февраля 1924 года были установлены дипломатические отношения между СССР и Италией, подписан советско-итальянский торговый договор. Спустя пять месяцев, в июле 1924 года, состоялось важное событие в истории советско-итальянских отношений – прибытие в Ленинград итальянского военного корабля «Мирабелло».

Начиная с 6 июля в течение трех дней Д.Т. Флоринский принимал участие в совещаниях с представителями военного и морского командования для составления программы встречи с учетом полученной инструкции – «скромно и сдержанно, но прилично» [!] В результате была выработана следующая программа.

– На встречу «Мирабелло» высылается «посыльное» судно, имеющее на борту итальянского морского атташе (если он пожелает).

– При проходе мимо Кронштадта «Мирабелло» салютует 21 выстрелом (салют нации) и 7 выстрелами (салют крепости), на которые советская сторона отвечает.

– «Мирабелло» становится на якорь напротив Кречетовской пристани у моста лейтенанта Шмидта рядом с советским миноносцем «Троцкий». Салют на Неве не производится (могут пострадать стекла на Ленинградской стороне).

– Немедленно по прибытии «Мирабелло» (на пристани не присутствуют встречающие с советской стороны) капитан наносит визиты представителю губисполкома (т. Циперовичу), агенту НКВД (т. Вайнштейну), командиру порта (т. Войкову), председателю ЛВО (т. Воронину). На эти визиты представители советской власти отвечают в течение 24 часов.

– Советский официальный прием ограничивается обедом в Доме Красной армии и флота, устроенным от имени военно-морского командования. При этом советская сторона особо подчеркивала, что, если итальянский комсостав откажется обедать за одним столом с матросами,

наш комсостав будет равным образом представлен и в зале комсостава, и в зале, где будут обежать итальянские матросы с советскими военными моряками и красноармейцами. Меню обеда предлагалось одинаковое для обоих залов. Было решено подавать вино и пригласить оркестр, принимая во внимание трудности ведения беседы из-за взаимного незнания языка, официальные речи на приеме не планировались.

– Итальянские матросы должны были сходить на берег группами и осматривать город под руководством советских инструкторов. Офицеры сходят в штатской форме.

Доступ на «Мирабелло» производится по пропускам.

Программа была сообщена итальянскому консулу Нардуччи, который, одоблив ее в целом, высказал несколько замечаний. В частности, он предложил устроить обед в двух смежных залах, мотивируя это «стеснительностью» [2] общего стола как для комсостава, так и для команды, также было высказано пожелание, чтобы итальянские матросы сходили в город в сопровождении не только советских инструкторов, но и представителей итальянской колонии в качестве переводчиков. На приглашение итальянской стороны принять участие в банкете в европейской гостинице Д.Т. Флоринский ответил отказом, сказав консулу, что советская сторона оценила бы ответный прием на борту итальянского судна вместо банального обеда в гостинице.

После окончательного согласования с итальянской стороной программа была утверждена. По прибытии в Ленинград 10 июля утром капитан «Мирабелло» В. Пини посетил представителя губисполкома Циперовича, агента НКВД Вайнштейна, а также нанес визит капитану миноносца «Троцкий».

В 18 часов 30 минут был назначен обед в Доме Красной армии и флота. Заново отремонтированное помещение поражало не только грандиозностью, но, и как отмечал Флоринский, тем «порядком, в котором оно содержится» [3]. Итальянцы сообщили, что с «Мирабелло» прибудет шесть офицеров и сорок матросов при восьми унтер-офицерах. В большом зале был накрыт стол на 110 приборов (для итальянских и советских моряков, а также пяти человек нашего комсостава), таким образом была соблюдена социальная справедливость. В смежном зале комсостава стол был накрыт на 18 приборов – капитан и пять офицеров с «Мирабелло», командир «Троцкого», представители итальянского консульства, советские официальные лица. По словам Д.Т. Флоринского, наши военморы и красноармейцы проявили себя как приветливые и гостеприимные хозяева; они встречали итальянцев, рассаживали их за столом, занимали по мере сил беседой [4]. Итальянский комсостав держал себя «сдержанно и неприветливо» за исключением капитана, но итальянские матросы оказались «славными ребятами с самым незначительным процентом фашистов среди них» [5]. Благодаря тому, что четыре матроса с итальянской стороны говорили по-русски (они оказались сербами), а среди наших представителей нашлось несколько говорящих по-французски, завязалась беседа, дополняемая жестикующей, и «большая зала представляла красивую картину молодого веселья и оживленного общения наших и итальянских моряков, в противовес чопорной натянутости смежной залы комсостава. Во время беседы непрерывно играл прекрасный оркестр, которому много и горячо аплодировали все присутствующие», – сообщил Д.Т. Флоринский Г.В. Чичерину в докладной записке [6].

После обеда «наши ребята» показали итальянцам Уголок В.И. Ленина, читальню и т. д., многие пошли провожать гостей до пристани.

Следует отметить, что для итальянских моряков этот вечер прошел в непривычной для них обстановке, в то же время комсостав не смог упрекнуть советскую сторону в некорректности.

11 июля итальянские матросы осматривали Ленинград в сопровождении местных гидов и представителей итальянской колонии. После полудня на корабле «Мирабелло» состоялся прием от итальянской колонии.

12 июля советские официальные лица, включая капитана и комиссара корабля «Троцкий», а также штурмана, который привел миноносец «Мирабелло» в Ленинград, были приглашены на завтрак (в 12 часов 30 минут) на борт корабля. Закусочный стол накрыли в кают-компании, украшенной большим портретом Муссолини и портретами королевской семьи. Завтракали на палубе.

Вечером Д.Т. Флоринский был приглашен к помощнику британского агента на обед в честь итальянских гостей. Д.Т. Флоринский обращает внимание на то, что англичанин нанес официальный визит капитану в сюртуке и цилиндре [7].

13 июля «Мирабелло» снялся с якоря и ушел в Ревель.

Следует заметить, что в Ленинграде интерес к итальянскому судну был очень высок. На пристани и на мосту постоянно толпился народ, чему способствовала отличная погода, порядок поддерживал наряд милиции, а контроль пропусков осуществлял ОГПУ [8].

Ответный визит советских военных моряков в Италию состоялся в августе 1924 года. В своем послании Г.В. Чичерину генеральный консул в Риме Рембелинский сообщал, что прием, оказанный судну «Боровский», был «исключительно любезный и, я бы сказал, радушный» [9], это прием моряков моряками без оттенка «политического или дипломатического характера», прием «собратьев по оружию».

«Боровский» был первым судном, которое зашло в итальянские воды после возобновления отношений между странами. В честь этого события итальянская сторона дала бал в Адмиралтействе, на который был приглашен весь *beau monde* Неаполя. В разговоре с командиром корабля «Боровский» Максимовым главный начальник Морского департамента южной части Тирренского моря Лобетти Бодони заметил, что «<...> морским офицерам в Неаполе приходится часто танцевать в виде частых заходов в порт иностранных военных судов» [10]. Эта фраза была сказана адмиралом не случайно. Итальянским аристократам было интересно посмотреть на поведение большевиков в светском обществе. «Наш командный состав, отчасти пролетарский, а отчасти из «мещанской» среды, чувствовал себя явно не по себе, столпились отдельными большими труппами, вследствие незнания языков не могли говорить с итальянцами; один танцевал с уморительными выкрутасами и ужимками галантерейных прикащиков, вызывая едва сдерживаемую веселость светских дам и выхолощенных кавалеров» [11].

В тот же день на ответном приеме на судне «Боровский» неловкая ситуация была частично сглажена гостеприимством советских моряков. Три дочери адмирала Бодони ни за что не хотели уезжать домой, и адмирал с женой долго ждали их у трапа.

Настроение команды было испорчено не только атмосферой на приемах, но и условиями жизни на самом корабле «Боровский». На бывшей яхте американского миллионера не было должных бытовых условий для жизни матросов, которые находились в тесных «отвратительных кубриках и в совершенно антигигиенических условиях» [12].

Ситуация также усугублялась натянутыми отношениями между командиром корабля и комиссаром. «Командир «Воровского» старый адмирал, с большим стажем, работавший с нами с начала революции. Последние два года, будучи не у дел, он живет в деревне, имеет маленькую ферму, к которой стремится вернуться; он ведет маленькое показательное хозяйство (две коровы), записывает ежедневно в журнал количество молока, корма, даваемого коровам, и пр. Человек политически совершенно неразвитый <...>» – такую характеристику дал командиру корабля советский консул в письме к Г.В. Чичерину. В отличие от командира комиссар, по мнению консула, «тип военного коммуниста 19 года, человек с головой и способный, но болезненно самолюбивый <...>. Он считает себя его (командира корабля. – *Авт.*) начальником <...> и всячески его «угнетает» и подрывает его престиж перед командой. <...> характерно, что комиссар взял себе лучшую, роскошную каюту» [13].

Что касается самой команды, то в порту были удивлены «прекрасным поведением» советских моряков.

Итальянская пресса (как местная, так и столичная) публиковала лишь «сухие» заметки о корабле «Боровский» с подробным перечислением присутствовавших на приеме гостей.

В докладной записке на имя Г.В. Чичерина генеральный консул в Риме Рембелинский, подытоживая результаты визита корабля «Боровский» в Неаполе, предлагает найти способы «<...> лучшего предварительного инструктирования командиремых для дипработы товарищей до отправления их к местам заграничной работы, требующей особого такта, гибкости приемов и, если можно так выразиться, ювелирной тонкости выполнения» [14].

Обмен визитами советских и итальянских военных кораблей СССР и Италии продолжился и в 1925 году.

4 июня, накануне прибытия в Ленинград отряда миноносных флотилий итальянского флота в составе «Тигра», «Леонье» и «Пантеры», в протокольной части НКВД состоялось совещание, на котором было решено вынести на коллегия НКВД следующие вопросы:

- об исполнении национальных гимнов;
- о речах на банкете в Морском училище.

По мнению сотрудников протокольной части, было необходимо составить текст речи, из которой следует исключить политические моменты.

В свою очередь, итальянской стороне также предлагалось в ответном выступлении не заниматься «восхвалением фашистского режима» и не произносить тост в честь Муссолини [15].

Кроме этого, следует рассмотреть вопрос о предоставлении прессе подробной информации о прибывших в Ленинград военных судах, а также направить письмо от имени Г.В. Чичерина председателю губисполкома об участии губисполкома во встрече итальянских судов, организации посещения театров, спортивных состязаний, загородных экскурсий и т. д.

Ввиду отсутствия средств у Морского ведомства совещание просит НКВД об ассигновании на расходы по приему 10 тысяч рублей, с тем чтобы агент НКВД в Ленинграде старался не выходить за пределы 7500 рублей (2500 рублей в запасе) [16].

13 июня агенту НКВД в Ленинграде Вайнштейну под грифом «Секретно» была отправлена из Москвы директива со следующими указаниями:

- если итальянцы исполняют «Интернационал», отдавая салют, нам придется ответить национальным гимном Италии;

- обед в Военно-морском училище для экипажа и комсостава устроить в пределах средств, отпущенных Реввоенсоветом. Присутствие за обедом представителей губисполкома необязательно. Никаких речей не произносить;

- договориться с Ленинградским губисполкомом о посещении итальянским экипажем и комсоставом театров, желательно пригласить матросов на спортивные состязания (футбол, бега и т. д.);

- матросам разрешено «циркулировать» по городу не только партиями, но и поодиночке [17];

- порядок визитов следующий:

- 1) председателю губисполкома;
- 2) военному коменданту порта;
- 3) агенту НКВД;
- 4) председателю ЛВО [18];

- «оглашать» в прессе в протокольном порядке прихода судов и их пребывание в Ленинграде итальянских моряков.

Телеграмма под грифом «Секретно» была также отправлена и в управление государственными и академическими театрами. В телеграмме НКВД рекомендовал управлению в связи с прибытиями в Ленинград 25 июня итальянской эскадры организовать концерт, на который были бы приглашены экипажи и комсоставы итальянских судов. Итальянцам следует ока-

зять «гостеприимство, и полезно было бы познакомить их с нашим искусством, составив соответствующим образом программу и подобрав исполнителей» [19]. При этом НКВД уведомляет управление, что не сможет принять участие в финансировании концерта, но полагает, что расходы по его организации могли бы быть покрыты путем продажи билетов, остающихся после предоставления морякам, примерно 500 мест. Заведующий протокольной частью Флоринский, подчеркивая важность проведения такого концерта, просил скорее сообщить управление о своем решении [20].

Следует отметить, что в СССР протокольная практика приема иностранных военных кораблей сложилась уже к середине 1925 года, что особенно наглядно проявилось во время повторного прихода в Ленинград 10 июля лидера итальянской флотилии «Мирабелло». Первый день – обед в Клубе Красной армии и флота (в зале для командного состава пообедали итальянские офицеры, консулы, начальник Военно-морского училища, командир «Троцкого», комиссары сидели за столом с матросами и солдатами) [21].

11 июля состоялся прием на корабле, который посетили слушатели морского училища. Командир «Мирабелло» принял приехавшего к нему вместе с секретарем Флоринского, которые, по словам очевидцев, отличались деликатностью и выглядели «чрезвычайно» элегантно. На следующий день на юте корабля был дан завтрак на 20 приборов, в котором принимали участие морское командование, морской атташе, консул, представители местной власти.

Ответный визит эскадры военных кораблей в Италию состоялся в сентябре 1925 года. Итальянская сторона всячески подчеркивала, и в первую очередь в прессе, что это «<...> ответный визит, а не какой-либо акт, свидетельствующий об усилении сближения между странами.

Эта граница, надо сказать, была проведена очень ловко и дружно. Только под конец (например, на нашем ответном завтраке) холодок стал исчезать и создавалась более дружеская атмосфера», – сообщал в донесении на имя замнаркома НКВД М.М. Литвинова полпред в Италии П.М. Керженцев [22].

Советский полпред особо подчеркивает, что итальянская сторона тщательно соблюдала необходимые в данном случае протокольные нормы. Все высокопоставленные лица Неаполя – гражданские и военные – принимали активное участие в различных официальных церемониях.

От имени полпреда СССР в Италии был устроен чай для советских и итальянских матросов (на 240 человек). На этом приеме речи не произносились, ограничились тостами и пожеланиями, обращенными друг к другу.

Для команды и комсостава итальянцы устроили несколько экскурсий (в музеи, на Помпею, Везувий и т. д.). Население города тепло встречало советских моряков. Подступ к судам сначала охранялся, и публику пускали на корабли по пропускам, но затем оцепление было снято.

По мнению П.М. Керженцева, в отличие от экипажей кораблей, основу которых составляла «крепкая, спевшаяся» молодежь, в командном составе существовала «пикировка» между комиссарами и командирами. Но эта ситуация обычная, и она не отражается на работе.

Сближению с итальянскими моряками мешало слабое знание иностранных языков, но экипаж заверил полпреда, что теперь «засядет учиться» [23]. Несмотря на столь оптимистические заявления, для самих краснофлотцев визиты в Италию состояли не только из приятных впечатлений. Большинство моряков ни практически, ни психологически не были готовы к участию в торжественных приемах, которые давались в их честь.

Главной проблемой, которая проявилась во время посещения советскими военными кораблями иностранных портов, была несогласованность в действиях и «натянутые» отношения между командирами кораблей и комиссарами. Разное происхождение, воспитание, образование не только мешало совместной работе, но и не позволяло выработать единый стиль поведения на официальных церемониях.

Приложение

В 1929 году СССР продолжает поддерживать не только экономические, но и военные контакты с Италией, так, 27 мая состоялось заседание специальной комиссии по подготовке приема итальянской эскадрильи, которая должна была прибыть в Одессу в период с 3 по 8 июня, следуя по маршруту Рим – Афины – Константинополь – Констанца. Состав эскадрильи 35 самолетов с экипажем до 100 человек, во главе с помощником министра авиации Италии Бальбо и начальником штаба ВВС Италии де Пинедо. Правительство СССР дало разрешение Италии на этот полет [24].

Что касается протокольных аспектов, то было решено, что в день прилета эскадрилью на границе территориальных вод встречает звено в составе трех гидропланов. Командир эскадрильи наносит визиты председателю губисполкома, начальнику гарнизона, агенту НКВД. Вечером (в 19 часов) для гостей устраивается обед, на котором исполняются музыкальные номера, в том числе, о чем специально подчеркивается в программе визита, украинские песни.

На следующий день гости посетили авиашколу, побывали на экскурсии по городу. Вечером итальянский посол Черутти устроил ответный банкет [25].

Визит падишаха Афганистана Амануллы-хана – первый визит в СССР главы зарубежного государства

Афганистан был первым государством (если не считать Германии и других участников Брестского договора), с которым Советская Россия установила дипломатические отношения. После того как в 1919 году Афганистан добился независимости, афганское правительство предприняло действия для установления связи с Советской Россией. 7 апреля 1919 года вступивший на престол Аманулла-хан направил М.И. Калинину послание, в котором выражалось желание установить дружественные отношения с Советской Россией.

27 мая В.И. Ленин и М.И. Калинин в своем ответном послании приветствовали независимость Афганистана. В письме была выражена просьба «назначить официального представителя в Москву» и готовность «послать в Кабул представителя рабоче-крестьянского правительства». Летом 1919 года назначенный чрезвычайным и полномочным представителем РСФСР в странах Центральной Азии Я.З. Суриц прибыл в Афганистан.

12 октября чрезвычайная афганская миссия во главе с Мухаммедом Вали-ханом была принята коллегией НКВД, а 14 октября – председателем Совнаркома В.И. Лениным.

Между афганским посольством и советскими властями начались длительные переговоры о заключении договора. Помощь Афганистана эмиру Бухары, который вел борьбу против Советского государства, не позволяла справиться с этой задачей в короткий срок. 13 сентября 1920 года в Кабуле был парафирован предварительный договор о дружбе между Россией и Афганистаном, а 28 февраля 1921 года в Москве состоялось подписание первого равноправного договора между Афганистаном и РСФСР. Соглашение привело к расширению торговли и обеспечило транзит товаров, закупленных Афганистаном в Западной Европе, силами советских специалистов в Кабуле была построена радиостанция.

31 августа 1926 года на базе договора, подписанного в Москве 28 февраля 1921 года, между СССР и Высоким государством Афганистан был заключен договор о нейтралитете и взаимном ненападении. Первая статья предусматривала, что в случае войны между одной из договаривающихся сторон и одной или несколькими третьими державами другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать нейтралитет. В договоре также содержались статьи, предусматривавшие, что каждая из договаривающихся сторон обязуется воздерживаться от всякого нападения на другую (статья 2), не будет разрешать и не допустит пропуска и провоза через свою территорию вооруженных сил, оружия, огнестрельных припасов, военного снаряжения и

всякого рода военных материалов, направленных против другой договаривающейся стороны (статья 3), каждая из сторон сохраняет свободу действий для предприятия шагов к установлению всякого рода отношений и союзов с третьими державами (статья 5) [2].

Наряду с политическими развивались и торгово-экономические связи. Советская промышленность удовлетворяла значительную часть потребительского спроса афганского рынка. Ввоз главнейших афганских товаров разрешался без лицензий, большинство других пропусклось беспопытно, или к ним применялись льготные тарифы.

Афганистан времен правления Амануллы-хана – это страна, в которой пережитки феодальной системы соседствовали с новейшими достижениями европейской науки: почти нет железных дорог, но есть регулярное воздушное сообщение, фабрики работают на электрической энергии, на полях мулы и тракторы [3].

Советский союз был нужен падишаху как территория, через которую возможен свободный транзит закупленных в других странах товаров, в то же время он видел в СССР опору в борьбе с Англией. Английский вопрос был весьма актуален и для Советского Союза, против которого Лондон в это время вел экономическую войну. Поэтому не случайно, что польско-афганский договор от 30 ноября 1927 года был воспринят в Москве как попытка Англии использовать Польшу против СССР.

Немало беспокойства вызвало в Москве сообщение в европейской прессе о том, что английские офицеры будут привлечены на службу в афганскую армию. Для СССР, как и для большинства ведущих европейских государств, Афганистан играл заметную роль в борьбе за сферу влияния на Ближнем Востоке.

Падишаха ждали в Москве, но и европейские столицы подготовили ему достойный прием. В своем дневнике А.М. Коллонтай весьма едко заметила, что европейские правительства «носятся» с коронованной особой и много пишут об Аманулле-хане в газетах, надеясь на «афганский рынок импорта и экспорта» [4].

Подготовка к визиту падишаха в СССР

Изучение европейского опыта

Подготовка к визиту в СССР падишаха Афганистана Амануллы-хана началась еще в январе 1928 года, когда представители советских посольств стали передавать в Москву сведения, в том числе и протокольного характера, о пребывании падишаха в Европе.

Так, 19 января 1928 года на имя заведующего отделом Ближнего Востока С.К. Пастухова поступил из Рима отчет от первого секретаря посольства Е. Рубинина о визите Амануллы-хана в Италию, который прибыл на пароходе в Неаполь 8 января и в тот же день отправился в Рим. Накануне его приезда, как пишет автор, на первых страницах итальянских газет были опубликованы статьи «в патетическом тоне», в которых подчеркивалось, что Италия – первая из европейских стран, признавшая независимость Афганистана. Отмечалось сходство в политическом строе двух стран, подчеркивалось, что падишах начал свое путешествие по Европе с Рима, что, в свою очередь, является знаком «возросшего при фашизме международного престижа Италии» [5].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.